

На правах рукописи

ХРУЩЁВА Элла Николаевна

**КОНЦЕПЦИЯ ВИЗАНТИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА
В РУССКОЙ ВИЗАНТИНИСТИКЕ
ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX – XX ВВ.**

**Специальность 07.00.09 – историография,
источниковедение и методы исторического
исследования**

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Екатеринбург 2003

Диссертация выполнена на кафедре истории древнего мира и средних веков Уральского государственного университета им. А.М. Горького

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
Маргарита Адольфовна Поляковская

Официальные оппоненты: доктор исторических наук,
профессор
**Владимир Васильевич
Кучма**
кандидат исторических наук,
доцент
**Людмила Николаевна
Заливалова**

Ведущая организация: Тюменский государственный университет.
Защита состоится 25 апреля 2003 г. в 16-00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.286.04 по защите диссертаций на соискание учёной степени доктора исторических наук в Уральском государственном университете им. А.М. Горького по адресу: 620083, г. Екатеринбург, проспект Ленина, 51, ауд. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Уральского государственного университета им. А.М. Горького.

Автореферат разослан «25» марта 2003 г.

*Учёный секретарь
диссертационного совета,
доктор исторических наук, профессор*

В.А. Кузьмин

Общая характеристика работы

Актуальность темы диссертации. Феномен тысячелетнего существования византийского государства является объектом пристального внимания мирового научного сообщества, начиная с эпохи Возрождения. Некогда существовавшая и исчезнувшая с лица земли Восточно-Римская империя являла исследователям уникальный пример для подтверждения своих или опровержения чужих взглядов на идеальное государство. Крайние позиции представляли Византию или как сильную монархию, достойную подражания, или как преемницу порочных государственных традиций Римской империи. Морализаторское отношение к государствам в прошлом характерно для всех исследователей, стремящихся постигнуть факты истории не столько ради них самих, а ради понимания современной им ситуации.

Государство и власть традиционно играли ведущую роль в развитии российского общества в силу его исторических, культурных, территориальных, географических особенностей. В государстве идеократического типа проблема «византийского наследия» стала неотъемлемым идеологическим фактором, обсуждаемым русскими историками, публицистами, философами и политическими деятелями. Возникновение византиноведческого направления русской исторической мысли в рамках социально-политических коллизий пореформенной России последней трети XIX в. фиксировало интересы, как профессиональных исследователей, так и политиков.

В советскую эпоху внимание российской исторической мысли к проблеме «византийского наследия» испытывало влияние идеологических требований. В то время, когда в мировом византиноведении возобновился когда-то начавшийся спор о «нормальности» политических форм автократии и великодержавности, в русской византистике актуальной была проблема «революции рабов», «демократизировавшей» облик византийского государства. В 60-е гг. XX в. советские исследователи вновь возвращаются к государствоведческой проблематике, обеспеченной эпистемологическими рамками. Данная актуализация политологических исследований в очередной раз совпадала с периодом реформирования государства, в тот момент ещё советского.

К моменту очередной трансформации политического облика советского государства во второй половине 80-х гг. XX в. русская византистика подошла с результатами, обеспечивавшими академический интерес, приобщёнными к изысканиям мирового византиноведения и парадоксально предвосхитившими судьбу самого тоталитарного государства.

Возобновление в современной России интереса к осмыслению природы власти и ресурсов её всепроникающего могущества имеет особое значение. Перспектива глобальных целей развития общества и роль государства в их реализации, повседневный аспект взаимодействия субъектов и объектов политического пространства, роль России в интегрированном мировом сообществе будущего – эти и многие другие вопросы аккумулируют исследовательскую мотивацию во всех сферах русской гуманитарной мысли.

Русская византистика в состоянии достойно ответить на политологический «вызов» современной эпохи, тем более что относительная «схожесть» авторитарной сущности византийской и советской государственности предоставляет уникальный шанс выявления аналогий, закономерностей, специфики и противоречий развития тоталитарных политических форм.

Историографическое русло данного диссертационного исследования обусловлено несколькими факторами. Первый из них – это необходимость очередного осмысления научного опыта русской византистики, накопленного в течение более чем ста лет. Другой повод –

это возможность нейтрализации наиболее эпистемологически-пристрастных итогов советского периода существования русской византистики с позиций современного методологического перелома в гуманитарной области знания. Ещё одна причина может быть сформулирована как определение достижений именно национальной школы византистики, долгое время не фиксируемой в связи с интернациональными тенденциями мировоззрения.

Традиционный историографический замысел позволит выявить факторы, оказывавшие ранее и продолжающие оказывать сейчас влияние на процесс накопления византиноведческих знаний по государственной проблематике. Историографический ракурс данной работы поможет объяснить закономерности развития исторической мысли в нашей стране, характеризовать этапы эволюции византиноведения в прошлом и рассмотреть черты современного состояния государственной проблематики в русской византистике. Симбиоз данных возможностей приобретает научно-теоретическое значение.

Ведущий фактор, способствующий появлению данного диссертационного исследования, это открытое признание главного вопроса русского византиноведения – государственной проблематики – и попытка выявления закономерностей его методологической и теоретической постановки, а также плодотворности конкретно-исторического решения.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования в диссертации стала научная литература, в которой освещаются взгляды российских историков по поводу формирования, функционирования и эволюции византийского государства. Это, главным образом, историческая и юридическая литература историко-сравнительного направления, созданная как в центре, так и в регионах в период существования дореволюционной, советской и постсоветской византистики в рамках российской исторической науки. Кроме того, часть привлечённых работ носит общеполитический, публицистический характер в силу тесной взаимосвязи сформировавшегося в последней четверти XIX в. русского византиноведения с государственной школой историографии русской исторической науки. Используются также работы некоторых эмигрантских исследователей для того, чтобы представить весь спектр мнений по данному вопросу.

Предметом исследования диссертации является ход, определяющие тенденции, основные результаты научного изучения отечественными историками теоретических и конкретно-исторических проблем формирования, функционирования, эволюции и гибели византийской государственности, включая уровень концептуальности взглядов историков и совершенствование методики исторических исследований.

Анализ постановки проблемы византийского государства в российской византистике. Возникновение в мировом византиноведении русской национальной школы приходится на последнюю четверть XIX в. Саморефлексивное признание взаимосвязи подъёма научной византологии с политическими проблемами российской действительности в исполнении Ф.И. Успенского подчёркнуто концентрировалось на национальной окраске интереса к Византии, закономерно проливающей свет на начальные этапы формирования российской государственности¹. Вторым источником возникновения интереса к византийской истории он называл «восточный вопрос» – камень преткновения во внешнеполитических отношениях XIX в. – стимулирующий изучение политической истории славянских и балканских стран. Кроме того, в качестве практической задачи Успенский открыто связывал успехи русского византино-

¹ Успенский Ф.И. Из истории византиноведения в России // Анналы. 1922. №1. С.110-111,126.

ведения с возможностью политического объединения православного славянства перед угрозой соперничества держав за мировое господство.

Взаимосвязь вышеперечисленных аргументов Ф.И. Успенского обусловлена двумя компонентами внеисточниковых знаний византиноведения, формирующегося в русской исторической мысли. Позитивная оценка реформаторских возможностей восточно-римских императоров в союзе с православной церковью и подчёркнутый эволюционизм в анализе исторического развития византийского государства (на фоне нарастания революционных настроений в России конца XIX в.) фиксируют несомненную связь византистики с «государственной школой» русской исторической и юридической мысли (К.Д. Кавелин, Б.Н. Чичерин, С.М. Соловьёв и т.д.). Европейский вектор общественно-политических взглядов «государственников» привнёс в русскую византистику как принципы и методы исторического и юридического позитивизма (с его минимальным влиянием познающего субъекта на историческую действительность), так и особенную «открытость» мировому византиноведению (особенно немецкой школе). В этом отношении формирование и развитие русской византистики происходило в более благоприятных информационных условиях по сравнению, например, с русской медиевистикой.

Ещё одной «ментальной» основой формирующейся в последней четверти XIX в. русской византистики может быть названа её исключительная связь с религиозной философией К.Н. Леонтьева (1831 – 1891), В.С. Соловьёва (1853 – 1900), Н.Я. Данилевского (1822 – 1885) и Н.А. Бердяева (1874 – 1948)¹. В поисках особых корней российской государственности эти учёные уделяли особое внимание историческим контактам Руси и Византии. Актуализация проблемы «византийского наследия», в рамках которой и возникли вопросы об аналогиях в верховной власти, её взаимоотношении с церковью, с подданными, является непосредственной заслугой почвеннической философии второй половины XIX в. Несмотря на многообразие направлений славянофильского общественно-политического лагеря, именно его представители пользовались особой благосклонностью официальных правительственных кругов. Данный фактор если не способствовал, то, по крайней мере, благоприятствовал непосредственному возникновению русского византиноведения. Последующая во второй половине XX в. переоценка славянофильского мессианства вышеперечисленных философов² в категорию историософии евразийства³ более отчётливо сфокусировала идеологические реалии конца XIX в., сопровождавшие формирование русского византиноведения и придавшие ему великодержавный, имперский, государствоведческий характер.

Данная ситуация тесной взаимосвязи политических и методологических идей русской медиевистики конца XIX – начала XX в. была проанализирована ещё советской историографией⁴. Однако, в своих оценках позитивистской теории византийского государства советские исследователи исходили из её надклассовой сущности, морализаторства и, отказывая в теоретической и конкретно-исторической разработанности дореволюционным моделям византий-

¹ Византизм и славянство. Великий спор. М., 2001.

² Лосский Н.О. История русской философии. М., 1991. С. 152 – 153.

³ Савицкий П. Евразийство. Россия между Европой и Азией. Евразийский соблазн // Византизм и славянство. С. 18.

⁴ Могильницкий Б.Г. Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х гг. XIX в. – начала 90-х гг. Томск, 1969. С.408.; Гутнова Е.В. Историография истории Средних веков. М., 1985. С.274. Та же проблема, освобождённая от марксистско-ленинского «налёта», частично представлена в статье: Хмылёв Л.Н. Методологические аспекты исторической науки на рубеже XIX и XX вв. // Россия в XX веке. Судьбы исторической науки. М., 1998. С. 225-229.

ской государственности, упрекали их создателей в увлечении ориенталистикой¹. Сама приверженность дореволюционных византистов к государственной проблематике исследования служила поводом для отрицания позитивистской теории византийского государства в целом. Более того, большая результативность русской историографии по сравнению с «буржуазной» (зарубежной) объяснялась акцентированием внимания русских исследователей на социально-экономическом аспекте анализа византийской действительности (что, в свою очередь, связывалось с наличием феодальных пережитков в российской жизни конца XIX в.)².

Одним из препятствий, не способствующим пониманию советской историографией всего потенциала дореволюционного византиноведения, является принципиальное теоретическое расхождение этих двух школ в трактовке термина «феодализм». Если дореволюционные византисты под «феодализмом» понимали чисто политическое явление, сопровождавшееся рассеянием суверенитета и децентрализацией, то для марксистской историографии «феодализм» являлся самодовлеющей характеристикой средневекового общества в целом³. При этом, в соответствии с материалистической теорией классовой борьбы, основные проявления феодализма относились к социально-экономической стороне жизни средневекового общества. Победа этой парадигмы была неизбежна после известных своим революционным переустройством политических событий 10-20-х гг. XX в.. Этим и объясняется основной сдвиг проблематики исследования российского византиноведения в 20-40-е гг.. Формационная теория, методологическая основа советских византийских (и шире – гуманитарных) исследований до 80-х гг. XX в., декларировала господство социально-экономического базиса над политической надстройкой в историческом развитии. Поэтому весь исследовательский материал под заголовками о византийском государстве собственно государственной проблематики не касался, но концентрировался на социальных и экономических вопросах.

Подобный экономический и идеологический детерминизм господствовал в советской византистике до 60-х гг. XX в. Очередной поворот в научной проблематике произошёл под воздействием политической ситуации в стране. XX съезд КПСС и развернувшаяся после него управляемая десталинизация не могли в централизованном государстве не повлиять на развитие исторической науки, в том числе её византиноведческой области⁴. Отход от односторонней трактовки исторического процесса сделал, наконец, возможным написание в 1967 г. коллективной обобщающей монографии «История Византии». Возникшая с необходимостью в этом труде проблема византийского государства была решена с использованием в основном идей и трудов дореволюционного и буржуазного византиноведения⁵. Очевидно, не случайно официальная постановка вопроса о политическом строе византийского государства в советской византистике приходится на 1968 г.⁶ Структура намеченных главой советского визан-

¹ Каждан А.П., Литаврин Г.Г., Удальцова З.В. Византия и Запад в современной буржуазной историографии // Против фальсификации истории. М., 1959. С.429; Удальцова З.В. Византиноведение // Очерки истории исторической науки. Т.2. С.510 и далее. Т.3. С.514-532.; Удальцова З.В. Из истории русского буржуазного византиноведения (К.Н.Успенский) // ВВ. 1961. Т.20. С.32-63.; Курбатов Г.Л. История Византии (историография). Л., 1975. С. 72-78.; Заливалова Л.Н. Город и государство в Византии в эпоху перехода от античности к феодализму в освещении русской историографии конца XIX-начала XX вв.// Город и государство в древних обществах. Л., 1982. С.77-86.

² Курбатов Г.Л. История Византии... С. 106-108.

³ Курбатов Г.Л. Глава: Византиноведение в 20-40-е гг. XX в. // История Византии... С. 118-124.

⁴ Удальцова З.В. Основные проблемы византиноведения в советской исторической науке // Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. М., 1962. С. 86.

⁵ См. библиографию глав по истории византийского государства: История Византии. М., 1967. Т. 2. С. 646-648.

⁶ Удальцова З.В. Пятидесятилетие Великой Октябрьской социалистической революции и советское византиноведение // ВВ. 1968. Т.28. С.8-9.

тиноведения З.В. Удальцовой проблем отражала марксистско-ленинское понимание государства, как органа господства и подавления одного класса другим. Однако существенным отличием от дореволюционного византиноведения являлся вопрос о причинности и характере эволюции византийского государства. Кроме того, в этой же вводной статье была поставлена задача создания специальных монографий о важнейших аспектах истории византийского государства и права на разных этапах существования.

Дальнейшая реализация этой задачи в советской византистике осуществлялась широким кругом учёных, мало кто из которых уделял внимание собственно государственной проблематике (Е.Э. Липшиц, Г.Г. Литаврин, А.П. Каждан, Г.Л. Курбатов, И.П. Медведев, М.Я. Сюзюмов). Византийское государство изучалось как система организации власти экономически и политически господствующих слоёв общества, обеспечивающая, прежде всего, их интересы и нацеленная на ликвидацию возможной угрозы им как изнутри, так и извне границ империи. Господствующая методология не давала ни возможности, ни средств существенно сосредоточиться на всём разнообразии политологических вопросов, с необходимостью задаваемых византийским источникам буржуазной историографией. Кроме того, этнологический подход к рассмотрению структурообразующих элементов государства (военные силы, тенденции к централизации и децентрализации, церковь, императорская власть, классовая борьба, как характеристика взаимоотношений народа и власти) не способствовал продуктивному созданию оригинальной, собственно марксистской концепции византийской государственности.

Наибольшее приближение к концептуальному обобщению в оригинальном ключе истории развития византийского государства произошло в работах византиста А.П. Каждана¹. Однако, за свой полиморфизм методологии, оригинальность и креативность идей ему пришлось заплатить сначала отказом в публикации некоторых из его работ, а в 1978 г. и эмиграцией в США. Вне зависимости от формальной принадлежности учёного с этого момента американской историографии мы считаем возможным и даже необходимым учёт его взглядов при анализе ситуации в российском византиноведении конца XX в.

Российское византиноведение сегодня находится на рубеже, характерном для развития будь-то страны, будь-то определённой научной дисциплины. Разрыв с предыдущей – советской – исторической традицией неизбежно породил её полное механическое отрицание. Это явление меньше всего затронуло византиноведение, как достаточно устоявшуюся по методам исследования область исторического знания. Более того, вторая половина 90-х гг. ознаменовалась удивительным издательским феноменом: появлением большого числа книг по истории и культуре Византии. Счет идет уже на десятки изданий, среди которых – высокочеловеческие публикации источников и фундаментальные академические исследования, переиздание старых – дореволюционных и советских – трудов². Несмотря на внешнее благополучие, достигаемое обобщающими публикациями предшествующих исследований, современное российское византиноведение характеризуется определённым затуханием серьёзных, концептуально новых академических исследований. Издание крупного последнего проекта – коллективной авторской монографии «Культура Византии» – завершено в 1991 г., отдельные исследовательские работы по Византии, появляющиеся в исторических журналах грешат явным обмельчанием проблематики или же искусственным скачком от формационной к цивилизаци-

¹ Каждан А.П. Византийская культура X-XII вв. М., 1968.

² Серия "Византийская библиотека" Петербургского издательства "Алетейя", серия "Subsidia Byzantinorossica" Санкт-Петербургского общества византино-славянских исследований, московское издательство "Индрик".

онной трактовке византийской истории. Несмотря на плодотворную работу проходящих в столичных и провинциальных научных центрах византиноведческих конференций, налицо закономерный перерыв активной исследовательской практики, который может быть использован для определения путей, направлений и методов дальнейших изысканий.

Краткий очерк истории постановки проблемы византийского государства в российском византиноведении убеждает нас в необходимости более подробного историографического исследования этого вопроса на новом уровне, отвечающем современным требованиям науки. Соотнесение результатов разработки этой проблемы и возможностей будущего перспективного исследования открывает пути к более глубокому пониманию специфики становления и развития византийского государства.

Цель и задачи диссертации. Целью диссертации является анализ литературы, конструирующей концепцию византийского государства с точки зрения его формирования и эволюции, структуры, внутреннего и внешнего функционирования. В плане реализации поставленной цели можно наметить следующие конкретные исследовательские задачи, которыми руководствовался автор данной работы:

- I. выявление и систематизация литературы, описывающей концептуальный облик византийского государства с точки зрения его формирования и эволюции, внутреннего и внешнего системного функционирования;
- II. выявление и аналитическое изучение структуры исследовательских проблем, концептуально освещающих византийское государство;
- III. прослеживание этапов актуальной теоретической постановки и конкретно-исторического решения вопросов по концептуальным проблемам формирования, функционирования и эволюции византийской государственности;
- IV. изучение динамики взглядов исследователей на ту или иную проблему и её зависимости от методологического инструментария разных периодов российской исторической науки;
- V. оценка уровня концептуальной целостности взглядов российских историков на византийское государство;
- VI. подведение итогов научных исследований, формирующих концептуальный облик византийской государственности, определение перспективных проблем и вопросов данного направления российского византиноведения.

Решение этих задач функционально должно способствовать существенному обогащению наших представлений о результатах научного поиска в российском византиноведении последней четверти XIX – XX вв.

Методология и методы исследования. Диссертант разделяет мнение ведущих уральских специалистов в области методологии истории В.Д. Камынина, Е.Б. Заболотного, Б.В. Личмана, В.С. Прядина об использовании в современной отечественной историографии нескольких методологических концепций, наиболее распространёнными из которых являются формационная и цивилизационная. Однако определение и историографическая оценка наиболее важных составляющих концепции византийской государственности в российской византинистике последней четверти XIX – XX вв. предполагает квалификацию таких категорий как «государство», «власть», «право» на протяжении всего указанного временного периода.

Всплеск теоретических исследований государства, политической жизни, места человека в системе политических и правовых учреждений приходится на обе хронологические границы, используемые в данном исследовании. Впервые – в пореформенной России второй по-

ловины XIX в., после периода, когда «в благоустройстве нашего государства не было ни малейшего сомнения, когда всё, казалось, было в совершенном порядке; когда извне смотрели на нас со страхом, смешанным с благоговейным уважением, чужеземные правительства, завидуя прочности, твёрдости, непоколебимости наших государственных учреждений, нашему могуществу...¹». Во второй раз – после крушения тоталитарного режима в нашей стране, для которого общественные науки были обязаны в основном комментировать и оправдывать принимаемые политические решения, нежели предлагать возможные теоретические решения для той или иной политической ситуации.

Анализ методологической ситуации последней четверти XIX в. показывает отсутствие общепризнанной базы теоретических данных в области юриспруденции². Энциклопедические издания этой эпохи предоставляют нам следующие определения понятия «государство»: «союз лиц, которые при своих особенных целях признают целью своей деятельности ещё цель нравственную – всеобщую – совокупность всех высших целей человеческого духа, есть государство»³; «государство... есть общество людей, соединённых единством политической жизни, занимающее определённую область, состоящее под господством (суверенитетом) высшей государственной власти, исполняющей все высшие задачи управления, законодательства и суда»⁴; «общественный союз суверенного принудительного властвования – синтез составных элементов (народ, территория, своеобразие властвования)»⁵; «общественный союз свободных людей с принудительно установленным мирным порядком посредством предоставления исключительного права принуждения только органам государства»⁶. Несмотря на разницу формулировок, юристы второй половины XIX в. сосредоточивали своё внимание на следующих признаках государства⁷:

- территориальная организация населения и осуществление публичной власти в территориальных пределах;
- публичная государственная власть (отчуждённая от народа разными путями: патриархальная, теологическая, психологическая и насильственная теории);
- государственный суверенитет (понимаемый как верховенство, самостоятельность и независимость государственной публичной власти).

Один из признаннейших авторитетов правовой науки той эпохи профессор Гейдельбергского университета Г. Еллинек различал социальную и юридическую природу государства, рассматривая первую, как объект исследования исторических и общественных наук⁸. По его мнению, сформировавшаяся в России историческая школа юристов занималась исследованием именно социальной сущности государства, как «суммы определённых социальных отношений между людьми и действий, проявляющихся в них», как «функции психического характера – человеческого общения»⁹. При этом принцип эволюционизма, лежащий в основе сравнительно-исторического правоведения, давал возможность учёным освоить только ин-

¹Редкин П.Г. Лекции по истории философии права. СПб., 1889. С.10-11.

²Грибовский В.М. Народ и власть в византийском государстве (опыт историко-догматического исследования). СПб., 1897. С.1.

³Неволин К.А. Энциклопедия законоведения. СПб., 1857. С.63.

⁴Ренненкампф К. К. Юридическая энциклопедия. Киев, 1898. С. 37-38.

⁵Палиенко Н.И. Учение о существе права и правовой связанности государства. Харьков, 1908. С.311.

⁶Коркунов Н.М. Русское государственное право. СПб., 1904. Т.1. С.27.

⁷Комаров С.А. Общая теория государства и права. М., 1997. С. 116-117.

⁸Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб., 1908. С.31.

⁹Там же. С.126-127.

ституциональный подход в объяснении государства. Идущий от государственной школы Д.И. Азаревича метод юридических конструкций, изолировав политико-правовое явление из исторической действительности, позволял рассмотреть лишь его внутренние связи без соотнесения с внешними условиями¹.

Итак, сама наука о государстве в этот период была представлена скорее историей различных социально-политических учений о государстве, связанных чаще всего с конкретно-историческими сравнительными исследованиями. В основе наиболее популярной в России конца XIX в. политико-правовой или организационно-структурной концепции создания государства лежало учение И. Канта о праве и государстве. Давние и прочные связи университетов России и Германии способствовали появлению обширнейшей литературы о правовом государстве группы российских учёных, называемых «райхштатистами»².

Распространение этой концепции в России, где сохранялись многочисленные феодальные пережитки, и перед буржуазией стояла задача завоевания политической власти, отличалось особенностью. Государство во всех теоретических трактовках оставалось внешней для общества силой, хотя и подчинённой закону³. Подобное отчуждение потестарной функции от человека, было зафиксировано в определении власти и государства приват-доцентом Санкт-Петербургского университета В.М.Грибовским: «власть, в каком бы то ни было виде, есть не что иное, как отвлечение от фактического состояния совокупности общественных отношений»⁴; государство «представляет собой... высший общественный союз людей-населения, живущих на известной части земной поверхности, именуемой территорией, и объединённых в однородное целое силой, называемой государственной властью»⁵. Осознаваемая автором при этом невозможность разделения понятий «государство» и «общество» порождала объективную иллюзию господства политического государства над обществом⁶.

Классический системный принцип в отношении к государству позволил В.М. Грибовскому квалифицировать «государство» как «момент сложного, подвижного равновесия многообразных личностных и групповых интересов на почве исторически выработанного культурно-бытового единства»⁷. Из этого же определения автор вывел три основных теоретических признака для осуществления «момента равновесия»: территория населения, государственная власть (понимаемая «как особый элемент общества, самостоятельная сила, и как пользование, распоряжение этой силой со стороны особого организма – правительства»⁸), правительственные учреждения. Объявляя правительство единственной группой, преследующей «цель соразмерного служения всем законным интересам», учёный придавал этому элементу самостоятельное, автономное значение⁹.

Значительный сдвиг методологической составляющей византийских исследований произошёл в 20-40-е гг. XX в. Растущее понимание и некая абсолютизация значения для политики не только форм властных институтов, но и причин, обуславливающих направления их

¹ Емельянова И.А. Историко-правовая наука России XIX века. Казань, 1988. С. 11.

² Корнеев В.Н. О теории «правового государства» в её российском варианте // Проблемы социалистической законности. Харьков, 1986. Вып. 17.

³ Марченко М.Н. Содержание и основные этапы истории политических учений // Политология. М., 1993. С. 28, 39-42.

⁴ Грибовский В.М. Народ и власть в византийском государстве (опыт историко-догматического исследования). СПб., 1897. С.XVII.

⁵ Там же. С.2.

⁶ Там же. С.9-16.

⁷ Там же. С.23.

⁸ Грибовский В.М. Народ и власть... С.26.

⁹ Краткий энциклопедический словарь. Политология. М., 1997. С.105.

деятельности, характерно для марксистской трактовки государства, распространённой в советском византиноведении. Классовая теория происхождения государства исходила из объективной связи между формами социально-политического существования и степенью развития материальных факторов производства. Вследствие этого, политика и её институты (право, государство) рассматривались как не самостоятельные явления, а производные от экономической структуры общества. Поскольку на протяжении всей истории человечества экономическое господство отличало немногих, то именно им и была необходима машина угнетения, удержания в повиновении, подавления сопротивления остального большинства. Если позитивистскую теорию государства марксистская историография воспринимала с точки зрения её надклассовой сущности, то собственный подход рассматривался ею в ключе концепции классовой сущности государства, как выразителя интересов класса эксплуататоров. Многочисленные функции государственной власти сводились к единственной – полицейской – удержанию власти в своих интересах и подавлению, каких бы то ни было оппозиционных выступлений.

Плюрализм мнений современной политологии и юриспруденции в отношении понятия «государство» предопределил необходимость авторского выбора по вопросу методологического обеспечения диссертации. Исследования в этой области концептуально представлены двумя противостоящими парадигмами в исполнении В.С. Нерсисянца и С.С. Алексеева¹. В определении самих авторов эти два подхода могут быть номинированы как либертарно – юридический² и конструктивно-критический³.

Теоретической основой данной диссертации является система взглядов о государстве С.С. Алексеева, представляющего институт государства и государственности (понятия, охватывающего любые проявления, признаки государства и государственной власти) как организационных форм структурно-сложного общества⁴. Учёным сформулировано определение понятия «государство» как элемента политической организации общества, обеспечивающего его единство и целостность, осуществляющего посредством государственного механизма управление делами общества и суверенитет публичной власти. Это положение имеет генетическую связь не только с предшествующими в истории русской юридической науки дефинициями «государства», но и с аксиологическим восприятием государства как института властных отношений в рамках российского менталитета.

Структурирование диссертационного материала по главам проведено в соответствии с методологической разработкой современной политологии, выделяющей три группы генетических, структурных и функциональных проблем, формирующих концептуальный облик любого государственного образования. Данная установка позволяет оценить и сопоставить вклад разных поколений отечественных византинистов в конструирование концепции византийского государства с точки зрения его формирования, эволюции, структуры, внутреннего и внешнего функционирования. В качестве одной из продуктивных теоретических работ политологии мы рассматриваем идею различия номинального (формально-идеологического) и действительного (эмпирического) существования любого политического явления. Данный

¹ Нерсисянец В.С. Юриспруденция. Введение в курс общей теории права и государства. М., 2000.; Он же. Общая теория права и государства. М., 2002.; Алексеев С.С. Государство и право. М., 1993.; Он же. Теория государства и права. М., 1997.; Он же. Право на пороге нового тысячелетия. М., 2000.

² Нерсисянец В.С. Юриспруденция... С.62-63.

³ Алексеев С.С. Теория государства и права... С. 12.

⁴ Алексеев С.С. Государство и право... С. 28-29.; Он же. Теория государства и права... С. 51-52.

подход предполагает выявление в концепции византологов элементов, образующих суть византийской государственности, а также динамики этих элементов на протяжении всей византийской истории.

В диссертации использованы теоретические и прикладные методы историографического исследования, разработанные ведущими отечественными теоретиками и методологами истории: В.Е. Иллерицкими, И.Д. Ковальченко, Б.Г. Могильницким, М.В. Нечкиной, А.М. Сахаровым. Автор данного диссертационного исследования исходит из общих методологических принципов историзма и объективности, а также общепризнанных критериев историографического анализа. Принцип историзма, используемый сторонниками различных методологических систем, в применении к историографии означает необходимость признания каждого этапа развития русской византистики как самоценного и самодостаточного, порождённого условиями объективной социальной реальности. Поэтому при изучении конкретной концепции византийского государства всегда необходим анализ общественных условий и методологических установок, при непосредственном влиянии которых она возникла. Уровень развития исторической науки в целом и византистики, в частности, также имеет отношение к исследовательским возможностям учёных, создающих эти концепции. Хронологическая последовательность возникновения разных взглядов на византийское государство позволяет соотнести их методологические, теоретические и конкретно-исторические аспекты для фиксации направления и динамики изменений в концептуальном абрисе византийской государственности.

Принцип объективности предполагает сосредоточение внимания исследователя на внутренней природе изучаемой реальности. Применение этого принципа к системам взглядов учёных на византийскую государственность диктует значимость полного учёта социально-субъективной стороны появления этих концепций. В этом отношении особую роль играет выявление внеисточниковых знаний, которыми пользовались византисты, заимствуя положения или элементы для своих представлений о византийском государстве из политических, философских или каких-либо других теорий. Интерпретация и оценка историографического факта (в данном случае – общепризнанности элемента концепции византийской государственности) осуществлялась автором этого исследования с учётом необходимости максимальной нейтрализации вышеописанной предвзятости.

Многоплановость избранной темы предопределила междисциплинарный характер исследования, что, в свою очередь, потребовало обращения автора к трудам из разных областей гуманитарного знания, распылённых с точки зрения хронологии. Попытка синтеза информационного поля этих трудов для выявления взаимосвязей логического, теоретического, методологического или конкретно-исторического плана привела к необходимости привлечения всей совокупности методов, используемых современной историографией. Первая группа методов – общенаучные: исторический, логический, методика моделирования, индукции и дедукции, анализа и синтеза, статистический и динамический. Кроме того, для анализа концепций византийского государства автором данного исследования использовались специально-исторические методы: синхронизации, хронологизации, периодизации, сравнительно-исторический, ретроспективный, актуализации, проблемно-хронологический, историко-типологический. Для проведения исследования предпринята попытка комплексного использования, наряду с собственно историографическими, методов смежных дисциплин: структурно-системного, функционального и институционального методов, заимствованных из арсенала собственно политологии.

Вышеперечисленные принципы и методы исторического познания не только явились основой анализируемых концепций византийской государственности, но и специфично преломлены в данном историографическом труде. Соотнесение проведения познавательных принципов и методологического инструментария в историческую и историографическую практику – одна из важных функций данного диссертационного исследования.

Источниковая база исследования. Источниковая база данной работы определяется как многоплановостью темы, так и междисциплинарным характером исследования и его задачами. Комплекс историографических источников диссертации представлен научными монографиями, статьями, рецензиями, авторефератами диссертаций, научно-популярными и публицистическими изданиями. Объёмность этого комплекса работ русскоязычных византинистов последней четверти XIX – XX вв. диктует необходимость выборки из него тех трудов, которые наиболее отчётливо характеризуют систему взглядов автора на изучаемый предмет – византийскую государственность.

Из всего российского сообщества византинистов были выбраны учёные, чей научный потенциал способствовал моделированию целостного облика византийской государственности, с точки зрения её внутреннего системного существования и функционирования, а также с точки зрения её вписанности в окружающий мир средневековья. Для дореволюционного этапа византиноведения – это творческое наследие В.Г. Васильевского, Н.А. Скабалавича, В.М. Грибовского, Ю.А. Кулаковского, Н.А. Осокина, Ф.И. Успенского, К.Н. Успенского, П.В. Безобразова, А.П. Рудакова, А.А. Васильева. Русская византистика второй половины XX в. в данном диссертационном исследовании представлена именами Н.В. Пигулевской, М.В. Левченко, М.Я. Сюзюмова, З.В. Удальцовой, Г.Г. Литаврина, Г.Л. Курбатова, Г.Е. Лебедевой, И.П. Медведева, А.А. Чекаловой, К.В. Хвостовой.

Историографический фон русской византистики в приложении к государственной проблематике был бы неполным без учёта научного вклада исследователей, не претендовавших на концептуализм в освещении византийского государства, но своим научным поиском акцентировавших отдельные стороны данного объекта. Наследие поколения дореволюционных византинистов может быть пополнено работами церковных историков: А.П. Лебедева, Ф.А. Терновского, Ф.А. Курганова, И.И. Соколова, П.В. Гидулянова, Н.И. Суворова, Л.А. Тихомирова. Русское византиноведение второй половины XX в. учитывает вклад в разработку государствоведческой проблематики Е.Э. Липшиц, М.А. Поляковской, В.А. Арутюновой-Фиданян, В.П. Степаненко, К.Н. Юзбашяна, И.С. Чичурова, Е.П. Глушанина, В.В. Серова, Д.Е. Афиногенова, О.В. Ивановой.

Впервые в историографическое пространство русской византистики вписано научное творчество некоторых эмигрантских историков: А.А. Васильева, А.П. Каждана. Частично воспроизводятся идеи о византийской государственности византинистов, не упоминавшихся в официальных хрониках и публикациях: В.И. Вернадского, В.Е. Вальденберга, А. Шлимана, А.И. Сидорова. Учёт научного наследия вышеперечисленных исследователей не только объективно обогащает поле византийских исследований в России, но и придаёт целостность и законченность реальному историографическому вкладу российской национальной школы в мировое византиноведение.

Для более аргументированного анализа исторических исследований в диссертации используются опубликованные архивные материалы русских византинистов из Санкт-Петербурга, некоторые письма из личных архивов М.Я. Сюзюмова и А.П. Каждана, а также материалы исторических и византиноведческих конференций, проходивших как в Советском

Союзе, так и за рубежом. Важную роль при рассмотрении различных взглядов на концептуальный облик византийского государства играет деятельность специализированных периодических изданий, отражающая динамику актуализации теоретических и конкретно-исторических проблем византистики («Византийский временник», «Средние века», «Вопросы истории», «Вестник древней истории»).

В диссертации рассматриваются также учебные пособия и труды по историографии византиноведения, представляющие, как правило, один круг авторов: З.В. Удальцова, Г.Л. Курбатов, А.П. Каждан, Г.Г. Литаврин. Эта группа историографических источников содержит материал, специально посвящённый истории изучения византийского государства русскими учёными, что позволяет определить методологическую и теоретическую составляющую концепций византийской государственности как исходного, так и искомого периода.

Определение уровня историзма в применении той или иной концепции византийского государства предполагает соотнесение научного наследия анализируемого автора с источниковой базой его конкретно-исторического анализа. В процессе аналитического осмысления реального приращения знаний в творчестве конкретных учёных логичным этапом являлось обращение диссертанта к выборочному изучению основных письменных источников по истории Византии. Ракурс государствоведческой проблематики актуализировал сочинения светских и церковных историков Византии разных периодов:

- по ранневизантийской государственности: Аммиана Марцеллина, Прокопия Кесарийского, Феофилакты Симокатты, Агафия Миренейского, Иоанна Малалы;
- по средневековой Византии: Феофана Исповедника, патриарха Никифора, Георгия Амартола, Феодора Студита, Иоанна Зонары, Скилицы, Льва Дьякона, Михаила Пселла, Михаила Атталиаты, Иоанна Киннама и Никиты Хониата;
- по последним векам существования византийского государства: Георгия Акрополита, Георгия Пахимера, Никифора Григоры и Иоанна Кантакузина.

Аналитическая логика византинистов, изучавших систему государства, с точки зрения входящих в неё элементов, раскрывается при обращении к юридической византийской литературе. Для ранневизантийской государственности неотъемлемой основой источниковедческого исследования являются кодекс Феодосия, *Corpus juris civilis* императора Юстиниана и его же новеллы. Изыскания учёных по классическому этапу византийского государства не обходятся без обращения к Эклоге, Земледельческому, Морскому и Военному законам, Василикам, Прохирону и Эпанагоге, Пире, Книге эпарха, документам патриаршей канцелярии, постановлениям церковных соборов, императорским постановлениям и письмам, трактатам по военному искусству. Круг правовых документов поздневизантийской государственности, вовлечённых в исследовательский оборот – неизмеримо уже: «Шестикнижие» Константина Арменопула, «Синтагма» Матфея Властаря, постановления патриархов Иоанна Апокавка и Дмитрия Хоматина.

Конкретно-историческая аргументация большинства специалистов, обличённых проблематикой политической теории Византии, вызывает необходимость косвенного обращения к массиву публицистической литературы Византии. Тонкая эволюция ранневизантийской политической мысли прослеживается по произведениям Фемистия, Ливания, Синесия Киренского, Григория Нисского, Григория Назианзина, Иоанна Златоуста, Евсевия Кесарийского. Кульбиты внутри и внешнеполитических проблем средневековой византийской государственности описывают труды Феодора Студита, Константина Багрянородного, Иоанна Мавропода, Евстафия Солунского, Михаила Хониата, Кекавмена. Насыщенная трагическими пред-

чувствиями и разнообразием представленных позиций поздневизантийская политическая мысль демонстрирует особенный интерес к публицистике. Николай Месарит, Никифор Влеммид, Григорий Кипрский, Никифор Хумн, Феодор Метохит, Дмитрий Кидонис, Григорий Палама – этот список отнюдь не исчерпывает всего сообщества поздневизантийских интеллектуалов, чьи публицистические произведения являются исследовательской основой русской византистики.

Массив нарративных источников, используемых русской византистикой для изыскания государственной проблематики может быть дополнен житийной литературой, эпистолографией, обрядниками и различными трактатами. Процесс исследовательской трансформации информационного поля всей источниковой базы русской византистики в целостные модели отдельных объектов византийского прошлого квалифицируется только в рамках дополнительного, хотя и косвенного обращения к самим византийским источникам.

В диссертационной работе не ставилась задача компетентной оценки уровня источниковедческой и палеографической подготовки тех или иных учёных. Однако сравнительный анализ источниковой базы создаваемых концепций византийской государственности позволяет рассмотреть информационные возможности тех или иных учёных, уровень преемственности в использовании и трактовке источниковых данных, а также степень обновления методического инструментария в русской византистике на протяжении рассматриваемого периода.

Выявление социально-субъективного аспекта формирования взглядов исследователей на византийскую государственность обусловило обращение к философским и политологическим трудам, представившим методологическую и теоретическую базу научного анализа. Кроме того, необходимость нейтрализации предвзятой оценки авторами концепций тех или иных сторон византийской реальности побудила обращение к работам методологического плана.

Важные сведения для понимания ситуации в развитии русской византистики и историографии в целом автор почерпнул из работ по теории и философии истории, а также методологии историографии.

Научная новизна диссертации. В данном диссертационном исследовании впервые предпринята попытка анализа государственноведческой проблематики русской византистики на всём протяжении её существования. Уровень комплексности и всесторонности данной работы возрастает в связи с актуализацией концептуального облика византийской государственности. Соотнесение результатов конкретно-исторической разработки исследуемой проблемы с методологическим инструментарием её автора также представляется важным аспектом историографического анализа, до сих пор лишь условно учитываемым существующими историографическими трудами.

Общий инновационный фон историографического исследования концепции государства в русской византистике последней четверти XIX – конца XX в. опирается на основные выводы и концептуальные положения данной работы:

- рассмотрение последовательного появления в хронологическом пространстве русской византистики нескольких моделей, описывающих формирование, существование и функционирование византийского государства;
- характеристика теоретического и логического исполнения этих моделей, их конкретно-исторической разработки и методологического инструментария;

- проведение сравнительного анализа проблематики, уровня исторического синтеза, степени социальной субъективности изучаемых моделей;
- описание перспектив дальнейшего исследовательского процесса в области изучения византийской государственности;
- введение в научный оборот историографии многих исследовательских трудов, ранее обделённых вниманием официальных научных кругов.

При анализе уровня плодотворности преемственности и результативности русской византистики в создании концептуального абриса византийского государства автор попытался непредвзято, без идеологических и иных пристрастий осуществить «новое прочтение» исследований русских византистов разных поколений. Впервые в данной диссертации производится сопоставление того, что было достигнуто в изучении этой проблемы исследователями внутри страны с результатами изысканий эмигрантской историографии.

Практическая значимость диссертации. Материалы, выводы и обобщения, содержащиеся в данной диссертационной работе, вносят определённый вклад в изучение византийского государства, его места в типологии средневековых государств, его роли в политических процессах на перекрещивающемся пространстве между Западной Европой и Востоком. Диссертация уточняет эволюцию методологии и проблематики византийской историографии. Информационное поле данной работы в целом и в отдельных эпизодах может быть использовано не только для дальнейшего изучения истории и историографии византийской государственности, но и при подготовке обобщающих трудов, при написании учебных лекций по истории средневековой Византии, по историографии византистики в России, а также по теории и методологии истории, по истории юридической мысли.

Апробация работы. Основные выводы и положения диссертации сформулированы в 4 научных публикациях (2,6 п. л.). По теме исследования подготовлено 1 сообщение для XV Всероссийской сессии по византиноведению в Барнауле (0,25 п. л.). Результаты проделанной работы апробированы на заседаниях кафедры истории древнего мира и средних веков исторического факультета Уральского государственного университета.

Структура диссертации Работа состоит из введения, трёх глав, заключения и списка использованных источников и литературы.

Основное содержание работы

Во **введении** раскрывается актуальность избранной темы, степень её изученности, обосновываются объект и предмет исследования, основные источники, квалифицируются методологические и теоретические составляющие исследовательского объекта, формулируются цели и задачи диссертационной работы, показываются её научная новизна и практическая значимость.

Первая глава «Истоки и социально-политическая эволюция византийского государства в русской византистике конца XIX – конца XX вв.» состоит из двух параграфов: 1.1. Истоки и эволюция византийского государства в историографии последней четверти XIX – начала XX вв.; 1.2. Истоки и эволюция византийского государства в историографии 30-90-х гг. XX в.

Аспект формирования и эволюции любого исторического объекта является фундаментом для создания его концептуального облика. Поэтому содержательная сторона данного диссертационного исследования открывается анализом истории изучения русскими византистами взаимосвязанных проблем генезиса и эволюции византийского государства.

Принцип аналитического разделения дореволюционного и советского периодов русской византистики, использованный диссертантом в первой главе, фиксирует изменение методологического инструментария рассматриваемых этапов российской исторической науки. Соответствующее разделение материала первой главы на два вышеуказанных параграфа позволило рассмотреть динамику методологических акцентов дореволюционного и советского периодов русской византистики, а также объяснить как актуализацию теоретической проблематики, так и динамику конкретно-исторических взглядов исследователей при изучении вопросов, поставленных в последующих главах.

Историографический анализ проблемы истоков византийского государства на материале русской византистики последней четверти XIX – XX вв. выявил определённую лауну 20 – 40-х гг. XX в. не столько в государственоведческой проблематике, сколько в самих византийских занятиях. Несмотря на отсутствие непосредственных контактов с дореволюционной школой византиноведения, советские византисты, начиная с середины 60-х гг. XX в., обеспечили преемственность с творческим наследием предшественников, вовлекая в исследовательский оборот их взгляды. Сопоставительный анализ результатов изысканий двух поколений учёных позволил диссертанту установить формат теоретических положений, объединяющих поколения дореволюционных и советских византистов в их оценке византийского политогенеза.

Суверенное существование Восточно-Римской империи в хронологических и географических пределах, средневековый характер византийской государственности, сложная, интегративная сущность рождения византийского государства, несомненность римского наследия в плане функционирующего государственного аппарата и законодательства – эти идеи не только стали точкой отсчёта русской национальной школы в мировом византиноведении, но были транслированы всеми поколениями русской византистики.

Анализ диссертантом конкретно-исторических взглядов русских византистов на проблему византийского политогенеза выявил существенный разброс авторских мнений в оценке направленности, характера и проявления разных вариантов истоков Византийского государства. Основное направление динамики взглядов русских византистов последней четверти XIX – XX вв. предполагает поступательное переосмысление ориентальных корней в пользу позднеантичных основ Византийской империи. Эпистемологическая и теоретическая неоднородность историографических обстоятельств дореволюционного и советского этапов византиноведения, по мнению диссертанта, не препятствовала трансляции результатов византийских изысканий по этому вопросу. Опыт обобщения и систематизации начал византийской истории в работах последней четверти XIX – начала XX в. стимулировал и ускорил появление новых подходов, структурирование аргументации и моделирование комплексной эволюции преемственных и уникальных корней византийского государства. В историографическом пространстве русской византистики к концу XX в. постепенно выстроилась сложная, динамическая картина взаимодействия элементов греческой античности, эллинизма, романизма и христианства при формировании Византийской империи. Автор диссертации подчёркивает вклад в создание этого полотна таких учёных, как Ф.И. Успенский, М.Я. Сюзюмов, А.П. Каждан, Г.Г. Литаврин, И.П. Медведев, Г.Л. Курбатов, Г.Е. Лебедева, А.А. Чекалова, В.В. Кучма, К.В. Хвостова.

Реконструкцию исследовательской проблематики русской византистики последней четверти XIX – XX вв. автор диссертации связывает с политологической трактовкой понятия «государство» на протяжении указанного временного промежутка. Данное допущение позво-

лило диссертанту в формулировке названия первой главы совместить вопросы формирования и эволюции византийской государственности. Аналитический материал конкретных авторских позиций фиксирует определяющее влияние проблемы политогенеза Византии на разворачивание теоретической и конкретно-исторической аргументации исследователей по вопросам возможности, вектора, темпа и составляющих эволюции византийской истории. Динамика взглядов русских византистов по указанной проблеме в течение целого столетия демонстрирует постепенный, но уверенный отказ от консервативного и стабильного облика византийской государственности. Фиксируемый самоназванием государства, этнонимом его подданных и всем комплексом государственно-правовой теории и практики, подобный подход имел прочные основания в истории мирового византиноведения вплоть до второй половины XX в. Совместные усилия русских византистов – Н.И. Суворова, П.В. Гидулянова, Н.А. Скаблановича, Ф.И. Успенского, К.Н. Успенского, А.А. Васильева, М.Я. Сюзюмова, А.П. Каждана, Г.Г. Литаврина, И.П. Медведева, Г.Л. Курбатова, Г.Е. Лебедевой, Л.Н. Заливаловой, А.А. Чекаловой, В.В. Кучмы, М.А. Поляковской – заложили хорошую основу теоретической и конкретно-исторической разработки трансформирующегося со временем облика византийского государства.

Автор диссертации рассматривает эпистемологическую ситуацию второй половины XX в., породившую господство социально-экономической проблематики, как значительное препятствие для выявления эволюционных моментов и периодов в истории византийского государства. Примером может служить научная дискуссия 50 – 70-х гг. XX в. о начале византийского государства. При всей своей напряжённости этот спор, в оценке автора диссертации, не способствовал достижению конструктивного компромисса между противостоящими сторонами – «континуитетчиками» и «дисконтинуитетчиками» (соответственно сторонниками и противниками теории сохранения государства при переходе от Римской к Византийской империи). Приемлемое теоретическое и конкретно-историческое выстраивание решения этого вопроса состоялось уже после ухода из жизни основных участников дискуссии. Современная трактовка социокультурных и политических перемен в истории Византийского государства VII – VIII вв. сформулирована в работах А.П. Каждана, Г.Л. Курбатова, Г.Е. Лебедевой, Г.Г. Литаврина, Л.Н. Заливаловой, А.А. Чекаловой. Взгляды этих византистов позволяют не только обозначить, но и охарактеризовать и аргументировать этап трансформации позднеантичной Византии в средневековое государство с присущей ему спецификой.

Общепризнанным в русской византистике последней трети XX в. является эволюционный сдвиг византийского государства XI – XII вв. Автор диссертации отмечает описание в общих чертах его составляющих представителями дореволюционного византиноведения: Ю.А. Кулаковского, Ф.И. Успенского, А.А. Васильева. Тенденция децентрализации, рассеяние политического суверенитета (в терминологии дореволюционного византиноведения), феодальная дезинтеграция государства, вестернизация империи – таковы формулировки, оценивающие количество, качество и вектор перемен византийской государственности этого периода. В трактовке византистов второй половины XX в. – А.П. Каждана, З.В. Удальцовой, Г.Г. Литаврина, М.А. Поляковской – указанная трансформация имела отчётливо выраженный характер цивилизационного варианта развития государств средневековой Западной Европы. Автор диссертации обращает внимание на единогласное признание большинством русских византистов конца XX в. неумолимой реализации этого же варианта эволюции государства в поздней Византии XIII – XIV вв.

Значимым результатом эволюционного подхода русских исследователей к Византийскому государству, с точки зрения автора диссертации, является общепризнанная периодизация его истории. С некоторыми изменениями и дополнениями характеристик отдельных этапов общепринятыми считаются следующие хронологические границы:

1. III – начало VII в. – позднеантичный этап ранневизантийского государства;
2. VII – первая половина IX в. – этап трансляции ранневизантийского государства в этап раннего средневековья;
3. вторая половина IX – XII в. – этап раннесредневековой византийской монархии, постепенно приспособляющейся к изменившимся социальным условиям.
4. XIII – XV вв. – средневековая монархия, взаимодействующая с обществом, подвергшимся феодализации.

Подводя итоги историографического исследования проблемы истоков и эволюции византийского государства на материале русской византистики последней четверти XIX – XX вв., автор диссертации отмечает высокий уровень исторического синтеза, последовательно демонстрируемый разными поколениями исследователей. Разница методологических установок дореволюционного и советского этапов русского византиноведения, а также отчетливая лакуна в византийских изысканиях в целом в 20 – 40-е гг. XX в. не препятствовали последовательному решению вышеназванной проблемы, как с точки зрения её теоретической конструкции, так и с точки зрения конкретно-исторической аргументации.

Наращение результативности в изучении русскими историками проблемы истоков и эволюции византийского государства в течение XX столетия, казалось бы, имеет естественный предел исследовательского интереса. В этом отношении перспективным может быть перевод византиноведческого материала в аналитическую плоскость, будь то политологии, будь то юриспруденции. Ответы на многие актуальные запросы современности – закономерность или случайность рождения авторитарного государства, характерные параметры его внутренней динамики, причины продолжительности его существования – может предоставить именно русская византистика с её уникальным опытом функционирования в рамках авторитарной действительности. Ещё одна современная потребность российской политической системы – сочетание централизма с регионализмом и федерализмом – может иметь исторические аналогии в эволюции византийской государственности.

Вторая глава «Система византийской государственности в русской византистике последней четверти XIX – конца XX вв.» состоит из трёх параграфов: 2.1. Власть императора, как фундамент византийского государства в русской византистике последней четверти XIX – конца XX вв.; 2.2. Имперский аппарат как конкретный механизм реализации верховной власти в русской византистике последней четверти XIX – конца XX вв.; 2.3. Взаимоотношения светской и церковной власти по реализации властных полномочий в русской византистике последней четверти XIX – конца XX вв. Концептуальный облик любого исторического объекта с необходимостью включает вопросы о его структурировании, взаимодействии разных уровней и элементов структуры, а также функциях и элементов, и уровней, способствующих существованию самого объекта. Данная глава посвящена рассмотрению литературы, в которой освещается проблема организации и функционирования византийского государства как института властных отношений Восточно-Римской империи. Выборка элементов, составляющих научный объект – византийское государство – определена во взаимосвязи с методологическими установками диссертационного исследования.

В первом параграфе анализируется литература об императорской власти, составляющей фундамент византийской государственности. Данная исследовательская проблема традиционно привлекает внимание специалистов в силу объективной насыщенности информационного поля византийских источников событиями и подробностями жизнедеятельности императоров. Трудно назвать хотя бы одного представителя дореволюционного византиноведения в России, кто в своих трудах ни разу не обращался к проблеме императорской власти как фундамента византийской государственности. Напряженный исследовательский интерес к данной проблеме может быть обусловлен не столько эпистемологической установкой позитивизма, напрямую воспринимавшего источниковую информацию, сколько общественно-политическими взглядами большинства историков-византинистов, метафизически трактовавших верховную власть в государственности, как России, так и Византии. В этом плане, обращает на себя внимание тот факт, что институциональный подход, практиковавшийся в российской дореволюционной византинистике, обуславливал значительную степень теоретического отвлечения и идеализации верховной власти империи, её носителей по отношению к подданным.

Различие в методологическом аспекте среди дореволюционных византинистов можно провести лишь с точки зрения конструктивизма восприятия исследовательского объекта. Большинство специалистов склонялось к позитивной оценке самого института верховной власти: Ф.А. Курганов, В.Г. Васильевский, Н.А. Скабаланович, Ф.И. Успенский, К.Н. Успенский, Л.А. Тихомиров. Часть исследователей рассматривала креативную деятельность конкретных императоров на византийском престоле: А.П. Лебедев, В.М. Грибовский, Ю.А. Кулаковский, А.А. Васильев, А.П. Рудаков, П.В. Безобразов.

По сравнению с другими составляющими системы византийской государственности, проблема власти императоров менее всего была подвержена игнорированию со стороны советских византинистов. Однако официальный перевод проблематики имперской власти в новое методологическое русло был осуществлён только в середине 60-х гг. XX в. На смену конструктивного восприятия этого института исследователями рубежа XIX – XX вв. пришло обличение господствующей и подавляющей функции верховной власти и её носителей. Марксистская методология, хотя и устанавливала взаимосвязь императорской политики с интересами некоторых социальных группировок знати (М.В. Левченко, М.Я. Сюзюмов, З.В. Удалцова, Г.Г. Литаврин), но не прервала позитивистской традиции отвлечения верховной власти от основной массы подданных. Парадоксально высокий уровень обобщения и генерализации социальных основ византийской императорской власти продемонстрировал А.П. Каждан. Его авторская концепция «человека византийского» (*homo byzantinus*) не только связала общими закономерностями эволюцию социально-политического облика византийской автократии, но и явила мировой византинистике целостную и нетривиальную модель византийской цивилизации в целом.

Итогом более чем столетнего профессионального интереса российской византинистики к проблеме императорской власти в Византии можно рассматривать имманентное восприятие этого института в качестве элемента целостной и одновременно противоречивой социально-политической системы общества. Комплексное видение данного объекта к концу XX в. становится определённым препятствием для концептуализма и эволюционизма в его освещении. Лишь некоторые учёные приблизились к целостному моделированию института императорской власти в рамках византийского социально-политического пространства с элементами типологических исследований (А.П. Каждан, Г.Г. Литаврин).

Значительному пересмотру в течение XX века подвергся и вопрос о характере власти византийских императоров, теоретически связанный, как с институциональным, так и с генетическим подходами в изучении византийской государственности. Вышеприведённый аналитический тезис об ориентальном политогенезе Византии, характерный для дореволюционного византиноведения (см. Главу 1), соответствует конкретно-историческому описанию деспотической, неограниченной власти византийских императоров в исполнении В.Г. Васильевского, Ю.А. Кулаковского, Ф.И. Успенского, П.В. Безобразова, А.П. Рудакова, К.Н. Успенского, А.А. Васильева. Русские византилисты второй половины XX в. акцентировали внимание, прежде всего, на античных корнях власти василевсов и создали целый комплекс идей, описывающих средневековую византийскую монархию (автократию) во всей её специфике, противоречивости и символистичности (М.Я. Сюзюмов, А.П. Каждан, З.В. Удальцова, Г.Г. Литаврин, И.П. Медведев, И.С. Чичуров, Г.Л. Курбатов, А.А. Чекалова, М.А. Поляковская, К.В. Хвостова).

Современное состояние в изучении проблемы власти императоров как фундамента византийской государственности можно оценить как благоприятное для момента перехода к новым методологическим горизонтам. Сущностные теоретические подвижки в трактовке самого института государства, верховной власти в рамках политической системы, правовой основы её формирования и функционирования предоставляют широкую перспективу межпредметного взаимодействия византистики, сравнительной политологии, юриспруденции, а также потестарно-политической этнографии. Множество уже написанных работ не прервут интереса исследователей к метафизической проблеме «тайны власти».

Во **втором параграфе** анализируется литература, в которой раскрывается структура и функционирование имперского аппарата управления как конкретного механизма реализации верховной власти в Византии. Являясь основой легендарно устойчивой византийской государственности, государственный механизм управления привлекал внимание разных поколений византинистов в определённых ракурсах.

Представители дореволюционного византиноведения в России, основываясь на вышеизложенной логике рассуждений о конструктивизме императорской власти, рассматривали имперский аппарат как инструмент для реализации властных устремлений конкретных императоров. В рамках институционального подхода они подвергли этот исследовательский объект структурно-системному анализу (Н.А. Скабаланович, Ю.А. Кулаковский, Ф.И. Успенский, П.В. Безобразов, К.Н. Успенский, А.А. Васильев).

Социально детерминированная оценка деятельности государственных учреждений советскими византинистами методологически связывала имперский аппарат с реализацией интересов определённых социальных групп. Наиболее устоявшаяся социальная стратификация византийской знати подразумевает выделение трёх значимых в своём политическом влиянии группировок: столичной бюрократии, провинциальной земледельческой знати, духовенства (М.В. Левченко, М.Я. Сюзюмов, А.П. Каждан, З.В. Удальцова, Г.Г. Литаврин, Г.Л. Курбатов, Г.Е. Лебедева, В.В. Кучма). Сложное взаимодействие перечисленных составляющих византийской знати, осложнённое вмешательством народной массы, по мнению большинства представителей советского этапа византиноведения, и фокусирует результирующую направленность политического курса византийского государства. Данная эпистемологическая логика обусловила эволюцию советского византиноведения от структурно-системного к функциональному подходу по этой проблематике.

Ещё одним немаловажным исследовательским достижением советского византиноведения является идея А.П. Каждана о персонификации в лице византийского императора бюрократического аппарата. На смену однонаправленности вертикали государственной власти (в трактовке дореволюционных византинистов – от императора к бюрократическим структурам, в оценке советских исследователей – от результирующего соотношения группировок знати к императорскому политическому курсу) приходит логика взаимного характера связей института верховной власти и имперского аппарата управления. Параллельно смещается акцент от господствующей и регламентирующей к организационной и регулирующей функциям византийской государственности и, соответственно, имперского аппарата. Вопреки эпистемологической реальности в советском византиноведении уже во второй половине XX в. начинается отсчёт традиции комплексного, цивилизационного восприятия социально-политической действительности Византии. Дальнейшее становление в работах А.П. Каждана концепции византийской автократии как целостного социально-политического феномена нашло частичное воспроизведение и продолжение в научных поисках Г.Г. Литаврина, Г.Л. Курбатова, А.А. Чекаловой.

Несмотря на отсутствие в библиографии русской византистики последней четверти XIX – XX вв. наименований, претендующих на полноценное исследование административной структуры византийской государственности, проблема имперского аппарата в Византии являлась объектом пристального внимания многих русских учёных. Известные традиции бюрократизации, громоздкости, параллелизма и неэффективности русской государственности, очевидно, вносили свой вклад в формирование профессионального интереса русских византистов. В этом отношении, казалось бы, велика неизбежность преобладания дисфункционализма в оценке деятельности византийского имперского аппарата. Однако, исследовательская практика на протяжении более чем столетия, представлена следующей последовательностью эволюционирующих взглядов:

- позитивистские исследователи противопоставляли конструктивной императорской власти негативную оценку сбоев, злоупотреблений и чиновничьей некомпетентности, формирующих реальную практику государственного управления;
- эпистемологически обусловленный параметр прогрессивности публично-правового характера государственного аппарата (М.Я. Сюзюмов) типологически возносил византийское государство над децентрализованным Западом, по крайней мере, до середины XI в.;
- методологическая оценка торможения бюрократизированной государственностью магистральных процессов феодализации, с необходимостью распространяемых марксистским формационным подходом на все средневековые государства, отличалась всё тем же негативизмом (М.Я. Сюзюмов, А.П. Каждан, З.В. Удальцова, Г.Г. Литаврин, Г.Л. Курбатов, Г.Е. Лебедева, В.В. Кучма);
- современная научная ситуация фиксирует нейтрализацию любых оценочных форм функционирования имперского аппарата и модификацию их в факторы, обусловившие трагическую гибель Византийского государства (А.П. Каждан, Г.Г. Литаврин).

Несомненной заслугой русской византистики в области изучения имперского аппарата управления является исследование соотношения сил централизации и децентрализации. Большинство византинистов дореволюционного и советского периодов признают господство принципа централизации в конституировании аппарата управления империей вплоть до X – XI вв. Феноменология трагичной гибели византийской государственности на протяжении

всего существования русского византиноведения фиксировала пристальный интерес исследователей к процессу нарастания сил децентрализации и последующей слабости империи перед внешним натиском. Причины имперского децентрализма, точка отсчёта децентрализующих сил, их характеристики, их вклад в ослабление империи – таков примерный круг вопросов, традиционно рассматриваемых русским византиноведением, начиная с В.Г. Васильевского. В этой связи меньше внимания специалисты уделяют не менее важной проблеме – устойчивости византийской централизованной государственной машины и сохранения некоторых её элементов вплоть до гибели византийской государственности в целом. Определённый вклад в формирование концепции «Константинополитании» дореволюционных византинистов Н.А. Скабалановича и А.П. Рудакова был развит и усовершенствован только во второй половине XX в. М.Я. Сюзюмовым, А.П. Кажданом, Г.Г. Литавриным, А.А. Чекаловой.

Итогом исследовательских усилий русских византинистов на протяжении более чем ста лет можно рассматривать следующую периодизацию функционирования имперского аппарата управления Византии:

- I. IV-VI вв. – позднеантичный период существования государственного механизма управления, фиксируемый реформами Диоклетиана и Константина, и в определённом балансе сочетающий элементы централизации и полисного самоуправления;
- II. VII- середина IX вв. – значимое упрощение структуры имперского аппарата и исчезновение остатков полисного самоуправления в кризисе VII в.;
- III. середина IX – середина XI вв. – восстановление комплексной, иерархизированной структуры централизованного аппарата управления в системе публичной государственности с фемной системой территориального деления государства, классический период функционирования имперского аппарата;
- IV. середина XI – начало XIII вв. – нарастание децентрализованных и частно-правовых тенденций механизма управления, сопровождающееся сбоями его функционирования и временным разрушением после 1204 г.;
- V. середина XIII – середина XV вв. – восстановление некоторых элементов централизованного аппарата в географически сокращённом пространстве с преобладанием децентрализующих тенденций.

Проблема имперского аппарата управления как конкретного механизма реализации власти в русской византинистике отличается меньшей актуальностью, нежели вопрос об институте верховной императорской власти. При этом значимое снижение интереса к этому предмету наблюдается с 20-х гг. XX в. В целом для второй половины XX в. можно насчитать ограниченно малое количество концептуальных разработок этого предмета – в исполнении М.Я. Сюзюмова, А.П. Каждана, Г.Г. Литаврина, отчасти Г.Л. Курбатова и Г.Е. Лебедевой. Подобная «непопулярность» указанного объекта исследования может быть объяснена недостатками эпистемологической и теоретической ситуации, а также сложностью самого вопроса. Прогресс современных политологических наук, а также приток в современное византиноведение новых научных кадров, перенимающих лучшие традиции в этой области, накопленные за более чем столетие существования, в состоянии ликвидировать определённую лакуну в исследовании имперского аппарата управления Византии.

В третьем параграфе анализируется литература, рассматривающая проблемы соотношения светской и церковной власти в Византии. Историографическая ситуация, сложившаяся в исследовании русской византистикой этой стороны системы византийской государственности, оценивается диссертантом как наиболее неблагоприятная. Пропась между

православной Россией рубежа XIX – XX вв. и атеистическим СССР разобщила поколения византинистов в изысканиях по этой теме. Это же обстоятельство парадоксально способствовало увеличению количества моделей, соотносивших полномочия светской и церковной властей в Византии в ракурсах разных теорий и методологий. Наиболее критичные позиции некоторых учёных уникальным образом стимулировали дальнейший научный поиск, нейтрализуя религиозно-мировоззренческий субъективизм, изначально характерный для данной проблематики.

В структуре исследовательских проблем дореволюционного византиноведения вопрос о взаимодействии светской и церковной власти в Византии занимал особое место. Относительное противопоставление церковной и светской византистики, необходимость конкретно-исторической реакции на обвинения византийской церкви в цезаропапизме, а также мировоззренческий характер православия в России конца XIX – начала XX в. обусловили насыщенность научных поисков по этой проблематике и высокий уровень эмоциональной окраски результатов исследования, корреспондируемый религиозными идеалами авторов. Конструирование биполярной модели церковно-государственных отношений привело к возникновению двух противостоящих концепций: цезаропапизма (А.П. Лебедев, Ф.А. Терновский, Н.А. Осокин, Ю.А. Кулаковский, П.В. Безобразов, К.Н. Успенский, А.А. Васильев) и «симфонии» церкви и государства (Ф.А. Курганов, И.И. Соколов, Ф.И. Успенский).

Эпистемологический ракурс советского византиноведения, трактующего византийскую церковь как отдельный институт политической системы Византии, нейтрализовал религиозную пристрастность научного поиска и его результатов, но сообщил субъективизм иного, социально-политического плана. Концепция цезаропапизма была неприемлемой для советских учёных в силу её западного происхождения. Почерпнутая из позитивизма модель «симфонии» церкви и государства в Византии, была переименована формационно соответствующими терминами «союз», «диархия» (З.В. Удальцова, Г.Г. Литаврин, Г.Л. Курбатов, И.П. Медведев). Исключительно инструментальная оценка положения византийской церкви в рамках имперского аппарата управления, казалось бы, обрекала советское византиноведение на отрицание значимости широкого круга вопросов религиозного мировоззрения византийцев.

Вопреки сложившейся историографической ситуации, некоторыми советскими исследователями была развита тенденция, намеченная единичными представителями позитивистского византиноведения (П.В. Гидулянов, Н.И. Суворов). Двусоставная модель церковно-государственных отношений в Византии была дополнена третьим элементом, так или иначе учитывающим роль религиозного мировоззрения византийцев (М.Я. Сюзюмов, А. Шлиман, А.П. Каждан, К.В. Хвостова). Представляется, что именно такой подход в решении проблемы церковно-государственных отношений в Византии является наиболее взвешенным и, соответственно, приближающимся к реализации историографических принципов историзма и объективизма.

Казалось бы, общий итог изучения сферы церковно-государственных отношений в Византии русскими исследователями на протяжении столетия – весьма неутешителен. Разнообразие мнений, отсутствие устоявшихся оценок, преобладание идеологической заданности в интерпретации фактов затрудняют возможность реального приращения знаний по этой теме. Однако, последовательное обращение в 90-е гг. XX в. к историографии русской церковной византистики Г.Е. Лебедевой и Л.Н. Заливальной создаёт достойную перспективу форму-

лирования и реализации исследовательских целей и задач, а также обнаружения устойчивых теоретических и конкретно-исторических акцентов этой проблематики.

Значимая перегруженность решения проблемы церковно-государственных отношений в Византии социально-субъективными оценками и идеями предполагает необходимость детального историографического анализа всего наследия русской гуманитарной мысли по указанному вопросу.

В третьей главе диссертации «Геополитический аспект функционирования византийской государственности в русской историографии последней четверти XIX – XX в.» рассматривается литература, посвящённая функционированию византийского государства в контексте международных отношений средневековья. Ракурс теоретической основы для данной главы был принципиально сужен до формулировки и реализации геополитической стратегии империи на региональном и глобальном уровнях. Вынужденная редукция обусловлена необходимостью избежать перегрузки данной работы неизбежным привлечением материалов смежных с византиноведением дисциплин: балканистики, ориенталистики, славяноведения и т.д.

Определённый консерватизм русской византистики в отношении междисциплинарных контактов обозначил ещё одно допущение в историографическом пространстве данной работы. Эпистемологическая замкнутость русской византистики XX в. вплоть до 60-гг. препятствовала проникновению геополитической проблематики в информационное поле византийских изысканий, хотя феномен эпицентрального положения Византии в средневековом мире привлекал интерес всех поколений исследователей. Некоторые учёные рассматривали этот фактор одним из многих в описании внешнеполитического функционирования византийской государственности, другие учёные фиксировали им основу моделирования целостной концепции византийского государства и цивилизации (В.Г. Васильевский, Ф.И. Успенский, А.А. Васильев, М.Я. Сюзюмов, А.П. Каждан, З.В. Удальцова, Г.Г. Литаврин). Данное обстоятельство обусловило привлечение к историографическому анализу материалов исследований византистов по реакции системы византийского государства на внешние условия её функционирования.

Изначально гиперболизированный интерес дореволюционных византистов к внутренней истории Византии обусловил их преимущественное внимание к фактологической истории внешнеполитических взаимоотношений Византии с конкретными соседними народами. Отнесение внешнеполитической сферы византийского государства к результатам деятельности конкретных императоров, по крайней мере, актуализировало взаимосвязь внутренней и внешней сферы функционирования византийской государственности. Ещё одним исследовательским успехом позитивистского византиноведения можно считать не столько идею основного стратегического интереса Византии (восстановления территориальных пределов бывшей Римской империи), сколько взаимосвязь завоевательной и оборонительной тактики внешнеполитического курса империи. Работы В.Г. Васильевского, Ф.И. Успенского, К.Н. Успенского, А.А. Васильева стали определённой точкой отсчёта для традиционного обращения русских византистов к оценке баланса экспансии и обороны во внешнеполитическом курсе империи.

Дескриптивно-классифицирующий подход в оценке международного положения Византийской империи был заимствован советским византиноведением конца 40-х – 60-х гг. XX в. В ранних работах Н.В. Пигулевской, М.В. Левченко, М.Я. Сюзюмова, А.П. Каждана, З.В. Удальцовой, Г.Г. Литаврина, Г.Л. Курбатова был представлен весь спектр направлений и

ориентиров внешнеполитического курса Византии: ориентального, европейского, средиземноморского, «варварского» ракурсов.

Уникальным историографическим фактом для эпистемологического пространства советского византиноведения 60-х гг. можно рассматривать опыт А.П. Каждана. Впервые в своём научном поиске он связал географические параметры и социокультурный облик империи, распространив влияние этой парадигмы на внутривизантийское и внешнеполитическое развитие Византии. Авторский подход этого учёного в области византийских ментальностей способствовал также реинкарнации роли церкви, религии, идеологии в формировании целостного мировоззрения византийцев. Кульминация социологизаторского подхода в советской византистике 70-х гг. XX в. корреспондировала религиозно-идеологическому фактору внешнеполитической стратегии империи официальное признание.

Последующее десятилетие было ознаменовано настоящим исследовательским бумом в области византийской политической культуры и её влиянии на формулирование и реализацию имперской геополитической стратегии. Инкорпорирование аналитических тезисов иностранных коллег (Д. Оболенского, Х.-Г. Бека, Ф. Дёльгера, Э. Арвейлер) в пространство советского византиноведения не умаляло насыщенности конкретно-исторической стороны исследований собственно советских исследователей – Г.Г. Литаврина, И.П. Медведева, Г.Л. Курбатова, А.А. Чекаловой, К.Н. Юзбашяна, В.А. Арутюновой-Фиданян, В.П. Степаненко. Формирование официального геополитического курса империи на основе неизменных идеологических конструкций, разрыв ускоренно трансформирующегося реального международного статуса империи со стабильными догматическими формулировками – такова логика обоснования трагической гибели Византии советским византиноведением вплоть до середины 90-х гг. XX в.

Круг перечисленных исследователей был бы неполным без упоминания имени А.П. Каждана. Научное творчество этого учёного даже его эмигрантского периода незримо оказывало влияние на направленность и результативность изысканий, обосновывающих внутри и внешнеполитический курс империи. Восточно-христианская картина мира, фиксирующая социокультурный облик империи и цементирующая христианскими догматами предшествующие исторические импульсы универсализма, наиболее концентрировано была представлена именно в работах А.П. Каждана. Последовательное неприятие неизменного образа византийской культуры и цивилизации привело учёного к одной из первых в мировом византиноведении попыток обнаружения некоторых подвижек в теории экуменизма. Кроме того, исследователем впервые в мировом византиноведении реконструировал биполярность концепций открытости и замкнутости, сообщённых византийской цивилизации всё той же универсальной теорией. Амбивалентный образ византийской государственности, созданный А.П. Кажданом, на сегодняшний день являет одну из наиболее креативных исследовательских перспектив.

Реалии византийской великодержавности, воспринимаемые международной конъюнктурой средневековья даже после гибели «вечной империи», порождают особый интерес современных учёных к широкому диапазону путей, средств и методов, позволявших византийскому государству удерживать этот имидж на протяжении более чем десятка столетий. Инструментальная преемственность с геополитической стратегией Римской империи, по мнению мирового византиноведения, сообщила Византии потенциал не просто выживаемости в средневековом мире, но распространения и пролонгирования своего влияния в указанных масштабах.

Вклад русской византистики в аналитическое осмысление геополитического феномена Византии несомненен и не исчерпан. Последняя публикация коллективной монографии «Византия между Западом и Востоком» - аргумент в пользу удачного взаимодействия и преемственности опыта изысканий, накопленного за полвека существования советской византистики, с актуальными вопросами современности и теоретическими подходами в их решении. Как объяснить фиксируемую источниками приверженность Византии к неизменным идеологическим формулам? Является ли этот образ стабильного государства фактором его тысячелетнего существования? Каков вклад византийского консерватизма в трагические события гибели Византийской империи? Какая тенденция преобладала в геополитическом функционировании византийского государства: открытия или замыкания политического пространства? Насколько облик устойчивой империи соответствует закономерностям существования и разрушения мировых держав? Все эти и другие вопросы могут послужить значимым стимулом для продолжения научного поиска русскими византистами по этой проблематике.

В заключении подводятся итоги конструирования отечественной византистикой концепции византийского государства. Анализ литературы показал, что на протяжении исследуемого периода последней четверти XIX – XX вв. концептуальный облик византийского государства формировался всеми поколениями русских византистов с точки зрения системного подхода. Изыскания отечественной византистики по указанному объекту характеризуются наличием генетического, структурно-системного и функционального уровней анализа. Использование дифференцированных исследовательских технологий разными поколениями византистов не прерывало устойчиво концептуального восприятия византийского государства на протяжении всего указанного периода. Даже радикальная методологическая трансформация советского этапа византистики в 40-е гг. XX в. всем своим социально-экономическим детерминизмом не нарушила концептуализма в оценке советскими исследователями византийской государственности.

На протяжении второй половины XX в. мы можем наблюдать как минимум две попытки переосмысления советскими византистами теоретической постановки и конкретно-исторического исполнения исследовательских проблем, конструирующих концепцию византийского государства. Первое преобразование приходится на 40 – 50-е гг. XX в. и связано с парадигмальной трансформацией гуманитарного мышления советских историков по сравнению с их дореволюционными предшественниками. Второй толчок русская византистика ощутила в 80 – 90-е гг. XX в., лишившись узких рамок официальной методологии советского этапа развития. Каковы бы ни были эпистемологические обстоятельства, исследовательская активность отечественных византистов в области изучения византийского государства всегда отличалась достойным уровнем объективности и историзма. Причина данной ситуации – в реальной вписанности русской школы в мировое византиноведение, где конъюнктура исследований, если и детерминирована, то только одним параметром – массивом источниковой информации.

ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Концепция перемен в византийской истории по трудам А.П. Каждана (К 75-летию со дня рождения учёного) // АДСВ. 1997. Вып. 28. С. 4-18.

2. Эволюция византийского государства в X – XII вв. (Македонская и Комниновская династии) в трудах А.П. Каждана // Византийское государство в IV – XV вв. Центр и периферия. Тезисы докладов XV Всероссийской научной сессии византинистов. Барнаул, 1998. С. 91-95.
3. Проблема истоков и эволюции византийского государства в трудах М.Я. Сюзюмова // Орёл шестого легиона. Тезисы научно-практической конференции студентов и молодых учёных УрГУ. Екатеринбург, 2000. С. 59-64.
4. Некоторые вопросы социально-политической истории Византии в концепции византийского государства В.М. Грибовского (1867 - ?)// АДСВ. Екатеринбург, 2001. С. 394-411.
5. А.П. Каждан как полемист // Мир А.П. Каждана. СПб., 2002. С.67-72.